

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ТРУДЫ ФОЛЬКЛОРНОЙ СЕКЦИИ ИНСТИТУТА АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

СОВЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД 1934

Г. И. КАРПОВ и А. П. ПОЦЕЛУЕВСКИЙ

ОТРАЖЕНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ТУРКМЕНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Устное народное творчество является одним из важнейших источников, позволяющих изучать настроение широких народных масс в годы великих исторических сдвигов. Если это положение справедливо по отношению ко всякой стране, то по отношению к Туркмении оно справедливо вдвойне, так как, несмотря на быстрый рост просвещения (до революции процент грамотных туркмен не превышал двух, в настоящее же время он достигает 35), все же устная литературная традиция является для туркмен и по сейчас монополистом художественного слова.

К сожалению, конкретная обстановка в области изучения туркменского фольклора такова, что разрешение стоящей перед нами задачи — проследить отражение Октябрьской революции в устном словесном творчестве туркмен — представляется довольно трудным. Причин несколько. Одна из важнейших — это недооценка роли и значения фольклора как художественного творчества преимущественно классовых низов туркменского общества, являющегося поэтому во многом прямой противоположностью своему антагонисту — старо-литературному художественному творчеству поэтов прежнего времени (во главе с Махтум-Кули, Сеиди, Зелили и др.), идеологически обслуживавшему запросы феодально-родовой, клерикальной и отчасти буржуазной верхушки туркменской нации. Следствием этой недооценки явилось почти полное отсутствие каких-либо изданий по туркменской фольклористике.¹

¹ За время существования Советской власти изданы лишь „Сборник пословиц и поговорок“ М. Гельдиева в 1925 г., монография А. П. Поцелуевского „Стихотворный ритм голенских народных песен“ в 1928 г., ряд статей и заметок был опубликован в журнале „Туркменоведение“ (1927—1931); в 1928 г. А. П. Поцелуевским составлен сборник женских песен (214 номеров), однако последний не издан до сих пор.

Другой, не менее важной, причиной является то, что огромные количественно фольклорные материалы, которые собраны кабинетами литературоведения и языкознания б. Туркменкульта (в общей сложности до 200 печатных листов), крайне мало и недостаточно отражают послеоктябрьскую эпоху в жизни Туркмении. Недостаточность эта во многом объяснима, конечно, своеобразием той природной, общественной и хозяйственной обстановки, в условиях которой совершалось победное шествие Октября по необозримым туркменским пустыням: достаточно сказать, что сама советизация некоторых отдельных, наиболее изолированных географически районов произошла всего лишь несколько лет тому назад (так, например, Атрек и Хивинские районы советизированы в 1926 г., окончательная советизация Каракумов датируется серединой 1929 г.), но, разумеется, основная вина ложится на прежнее научное руководство б. Туркменкульта (в том числе и на пишущих эти строки), следовавшее отжившим традициям старой фольклористики, бережно собиравшей все, что относится к „старине“, и, если не пренебрежительно, то равнодушно смотревшей на устное художественное творчество современных как аула, так и города.

Впрочем, даже тех немногочисленных фольклорных материалов, живописующих преломление Октября в туркменской действительности, которыми мы располагаем, вполне достаточно для того, чтобы иметь возможность, хотя и в общих чертах, но вполне конкретно судить о настроениях, стремлениях и симпатиях различных классов туркменского общества в годы революции.

Все произведения фольклора, находящиеся в нашем распоряжении, представляют собою продукт творчества аульной, т. е. деревенской массы; произведений, отражающих идеологию и быт городского пролетариата, а равно городской мелкой буржуазии, нет совершенно. Это не должно нас удивлять, если вспомнить, что в силу политики царизма, стремившегося завоеванный огнем и мечом Закаспийский край закрепить навсегда за собой в качестве своей колонии — страны отсталого аграрного типа, процент туркмен — жителей городов был совершенно ничтожен. Мало того, специально принимались меры к тому, чтобы закрыть местному основному населению всякий доступ к работе на таких крупных предприятиях, как, например, Среднеазиатская железная дорога. Усиленный приток рабочих и работниц туркмен из аула в город, на фабрики, начался года 3—4 тому назад, с момента развернутого строительства фабрик и заводов по Туркмении. И за этот небольшой период, естественно, еще не сложился быт доподлинно рабочего, последний не порвал своих связей с родным аулом. Традиции веков над ним, хотя и в слабой степени, все еще довлеют, новое воспринимается и усваивается не так быстро, рабочий и работница из туркмен и нацмен приспособляются ко всему новому в зависимости от получаемой закалки на производстве и делают пока первые шаги в направлении развития своего устного поэтического пролетарского творчества. Учитывая все эти особенности роста пролетарского

устного творчества в Туркмении, мы в своей статье, не ограничиваясь произведениями анонимными, успевшими стать достоянием большинства народной массы, будем ссылаться и на произведения отдельных певцов и стихотворцев — самородков из туркменских классовых низов, поскольку, с одной стороны, эти певцы и стихотворцы не принадлежат к категории печатаемых и читаемых работников современной литературы, и, во-вторых, поскольку в их индивидуальных произведениях отражаются подлинные массовые настроения широких кругов трудящихся, в первую очередь — батрачества и колхозников.

Чрезвычайно интересной темой для отдельной самостоятельной работы явился бы также разбор устного творчества байско-феодалных слоев туркменского общества (сюда относятся, например, басмаческие песни и т. д.), но к этому мы приступим в недалеком будущем.

При переходе к непосредственному ознакомлению с интересующей нас областью туркменского фольклора, наше внимание сейчас же привлекается рядом произведений, с несомненностью говорящих о том, что революция в Туркмении не явилась чем-то извне навязанным, чужеродным, как это хотели бы представить некоторые поборники феодально-родового строя, вроде покойного Н. Н. Йомудского — Караш-Хан-Оглы (смотри его статью в журнале „Туркменоведение“ за 1927—1928 гг.), но что, наоборот, соответствующая почва для нее давно уже была подготовлена, с одной стороны, классовым расслоением туркменской родовой общины и феодальной эксплуатацией батрачества, с другой — развитием местного ростовщического и торгового капитала, нашедшего в колониальной политике царизма прекрасную опору для своего укоренения и быстрого роста. Так, например, следующие две девические песни, так называемые „ляле“ (lale) с предельной яркостью говорят нам о том, что пастух-батрак в глазах эксплуатирующего его бая или родового вождя являлся существом, стоящим, пожалуй, ниже хорошей собаки, и, во всяком случае, безусловно недостойным „высокой чести“ быть мужем байской дочери:

Высокие, крутые холмы все равно, как оседланный конь...
У Мями-Бая батрак все равно, как ни к чему негодный пес.

Река в этой долине изобилует рыбой... На нашей корове войлочная попона... За пастуха не отдают дочь замуж: на ногах у него лапти-чарыки.

(Записаны в ауле Ак-кель, Каракалинского района.)

Об этом же социальном расслоении аула свидетельствуют и такого рода пословицы, как: „Через поместье богача проходит река, через поместье бедняка — дорога“.

Но, вместе с тем, другая небольшая песенка, являющаяся ответом пастуха на последнюю приведенную выше „ляле“, говорит нам также, что

это приниженное рабское положение не убило у батрака способности остро чувствовать социальную несправедливость, не вытравило в нем готовности к здоровому энергичному протесту:

Разве хурма по качеству не то же, что миндаль? Разве пастух не человек? Такая ты сякая девка, разве пастух не человек?

(Записана в ауле Ак-кель, Каракалинского района.)

Беспощадная эксплуатация батрачества нашла себе отражение, например, в следующих двух песнях, рисующих печальную долю пастуха, месяцами пасущего в одиночестве байские стада и не имеющего даже лаптей или хотя бы примитивных подошв-„сандалий“, чтобы защитить свои босые ноги от изобильно произрастающих в туркменистанских степях колючих трав и кустарников.

Из месяца в месяц я пас верблюдов. Мои ноги исколоты, изранены... Если пойдешь в аул, скажи Хырдан-Баю, чтобы прислал кожи на чепеки.¹

Я пас верблюдов у племени меджеур. Кровь моя и сердце испеклись все равно, как бы на огне. К имени моему я присоединил прозвище „Дюе-Чапан“, (т. е. верблюжий пастух)... Хватит с меня теперь... Я уйду. Пусть кто гулял, тот разгуливает вместо меня в меджеурских солончаках.

(Записаны в Байрам-али.)

Еще тяжелее была участь туркменской женщины, которая, независимо от своего социального происхождения, по существу всегда была живым товаром, наравне со скотом, покупаемым и продаваемым; наравне со скотом она была обязана с утра до ночи работать, не щадя сил для выгоды своего „законного“ повелителя, своего маленького „бога“, т. е. купившего ее и поэтому бесконтрольно ею распоряжавшегося мужа. В одной песне женщина так жалуется на свою горькую судьбу:

Ручная мельница — наш хан, ступка — наш султан. Все мое дело — только готовить пищу и плакать о родине и доме. Зубочистка моя — деревянная кочерга, подстилка подо мною — кожаная скатерть из-под муки, головная подушка — черный камень.

(Д. Г. Йомудская-Бурунова. Женщина в старой Туркмении. 1931.)

Произведения фольклора разбивают заблуждения некоторых авторов с О. Тумановичем во главе (см. его книгу „Туркменистан и туркмены“. Ашгабад-Полторацк. 1926), пленявшихся „патриархальностью“ родового строя. Фольклорные произведения свидетельствуют о разочаровании туркменских народных низов в авторитете своей наследственной родовой

¹ Чепеки — род примитивных сандалий.

и клерикальной верхушки, свидетельствуют о том, что власть ханов и ишанов неизбежно несет народу разорение и голод:

Ходжам-Шукур — наш хан... Лебеда — наша пища... Если на лебеду нападут черви, как тогда будем существовать?

(Девичья песня; записана в ауле, 1-й Кичи-ага Серахского района.)

Вариант:

Наш глава — Джапар-Ишан. Юва и ельмик (названия трав) — наша пища. Если юва и ельмик высохнут, вместе со всем нашим имуществом переправимся через горы в Персию.

(Песня записана в ауле 2-й Конгур Мервского района.)

Особенно много встречается произведений фольклора, рисующих отрицательную роль духовенства (а частично и некоторых продавшихся баям певцов-бахши) как прислужника господствующего класса. Таковы, например, следующие пословицы и поговорки: „Прочитанная тобой (муллою) молитва не стоит покоя разбуженных лягушек“, „Если косить языком, спина не устанет“, „И твоя дудка поет в угоду баю“, „Стать муллою легко, трудно стать человеком“. Непосредственно направлена против бая и ростовщика пословица: „Лучше иметь неустыженное лицо, чем бессчетную казну“.

Осознание своей угнетенности вместе с уяснением классовой роли племенных вождей должно было приводить к мыслям о революционном выходе из положения. Этот действенный революционный призыв мы находим в следующем отрывке из девической песни, сложенной еще до Октябрьской революции:

Пусть такой твой хан сгинет — разорил он аул!..

(Записано в Каракалинском районе.)

Все попытки революционной борьбы со стороны туркменских низов осуждены были на неудачу, поскольку туркменские эксплуататоры имели поддержку у русских колонизаторов. Об этой тесной смычке угнетателей красноречиво говорит следующая свадебная песня, по богатству и обилию перечисляемых в ней составных частей калыма, требуемого за выдаваемую замуж девушку, несомненно долженствующая быть причисленной к произведениям байско-феодалного цикла:

Если к нам не приведут шесть верблюдов, нагруженных деньгами, мы не отдадим ее в жены... Если не приведут семь верблюдов с приданым, не дадим ее в жены... Если к ее старшей невестке не примчится рысистый верблюд, мы ее не отдадим... Если к ее двоюродному брату не прискачет рыжий иноходец, мы ее не отдадим... Если целыми сотнями не пригонят баранов, мы ее не дадим... Если сама Гюль-Джамаль-Хан не придет взглянуть

на ее подобное цветку личико, мы ее не дадим. . . Если сам Алиханов не явится, потряхивая своей папахой, то мы ее не отдадим замуж.

(Записана в ауле Кеши Ашхабадского района.)

Мы видим здесь, что имя бывшего начальника Мервского уезда, полковника царской службы и верного слуги великодержавного русского империализма Алиханова, упоминается в этой байской песне на почетном месте, непосредственно после имени знаменитой мервской ханши Гюль-Джамаль-Хан.

Туркменские трудящиеся массы не питали, конечно, никаких иллюзий и относительно истинного характера продажного классового правосудия как своих „родных“, так и русских эксплуататоров; об этом наглядно свидетельствует пословица: „Взятка и по небу проложит путь“.

Таким образом, на материале фольклора видно, что почва для революции в Туркмении была, несомненно, подготовлена, как процессом классовой дифференциации самого патриархального родового туркменского общества, так и, в особенности, углублением и усилением социально-экономических противоречий, неразрывно связанных с развитием ростовщического и торгового капитала. Все эти предпосылки революции особенно остро дали себя почувствовать во время империалистической войны 1914—1918 гг., когда российский империализм был вынужден мобилизовать (или „реквизировать“, как гласил приказ) „туземцев“ на тыловые работы. Мобилизация всей своей тяжестью легла на бедняцкие слои населения: богачи от нее откупались. Разлука с родными и друзьями, вырванными из среды близких им людей и брошенными куда-то за тридевять земель ради интересов империалистов, больно отозвалась в сознании массы, как об этом поет (в 1916 г.) Казан-Курбан-Шахир из Серахса:

Записали молодцов, подобных львам.

Я сказал: бог с вами; жизнь моя испортилась.

Глаза наполнились слезами, лицо оросилось.

Кадыр-алла, настал день твоей помощи.

При этом, конечно, как русской, так и местной администрацией был допущен ряд вопиющих злоупотреблений, окончательно вооруживших трудовую массу против тогдашней власти:

Много вам горя наделал пристав-хан.

Сгинь в тюрьме, неверных слуга!

Поет все тот же Казан-Курбан-Шахир.

Во время гражданской войны в Закаспии байско-феодалная верхушка стала на сторону меньшевистско-эсеровской власти и ее союзников англичан. Предательская роль племенных вождей заклеямена, например, народной песней, обвиняющей тедженского хана Эзиза Чапыкова в том,

что он „продал Мерв англичанам“ („Eziz-Han Maryň inlise satdy“...). Лучшая наиболее сознательная часть трудового дехканства безоговорочно стала на сторону большевиков и беспощадно осудила тактику меньшевиков:

Большевики двинулись развернутым фронтом. Меньшевики же, обратившись вспять, отошли; из Каахка на Душак они бросили обходным движением свои арьергарды. Всесильный аллах, уничтожь меньшевиков!

(Первый куплет песни, записанной в Байрам-али.)

Победа Октября в Туркмении отмечена очень многими народными поэтическими произведениями. К сожалению, они в большинстве своем еще пока не записаны и не изучены. Вот некоторые выдержки из них:

Бахши Анналы-Чары поет:¹

Закручинились мулла, ишан и бай.
Для нас Октябрь — мед.
Для них — яд.

А бахши Назар-Мамед дает такую картину:

Только мы выйдем праздновать Октябрь,
Как богачи вмиг меняются в лице.
Бледнеют, от бессилья кусают губы,
Другие стоят, разинув рот,
А третьи корчатся,
Точно баран,
Которому отрубили курдюк.

Вспоминая о прошедших боях и победах в Октябре, один бахши из племени „гоклен“ посвящает свои сердечные слова воспоминаниям о вожде:

Кто сделал октябрь месяцем победы?
Кто — щедрый принес этот дар?
Наш великий был вождем этой победы,
Ленин — улы сардар.²

Целый ряд благотворных для трудящихся масс последствий победы Октября был тотчас же отмечен произведениями фольклора.

Женщина туркменка, эта извечная рабыня адата, стала наконец равноправна мужчине; двери просвещения широко раскрылись для всех трудящихся, и обо всем этом, ликуя, спешит рассказать аульной массе неведомый народный певец:

Много времени я бродил, проливая из глаз своих слезы, теперь же мне хочется быть веселым и радостным. Теперь мне хочется,

¹ Цитируется по переводам И. Фролова (см. журн. „Туркменоведение“, № 4, 1927).

² „Улы“ — великий, „сардар“ — полководец.

усердно учась в школе, взять и свою долю просвещения. Да 'сгинет у туркмен самая мысль продавать своих дочерей! Лучших девушек берут себе баи... Комсомольцы — руководители девушек: мне тоже хочется быть в рядах комсомола!

(Записано в Байрам-алийском районе.)

В отношениях между полами, бывших до сих пор разделенными непроходимой стеной условностей и предрассудков, впервые водворяется здравый товарищеский дух:

Если я скажу тебе что-нибудь плохое, пусть ослепнет мой глаз!
Пусть мои глаза не видят твоего худа! Бросай свою работу: давай, идем учиться!

Так поет молодой парень, обращаясь к девушке.

Все достижения современной техники, вплоть до воздушного сообщения, все возможности к образованию, не только низшему или среднему, но и высшему, оказались в распоряжении трудящихся дехкан:

Аэроплан летит, кружась, между землей и небом... Пусть мой брат Алла-Берди приезжает отменным ученым!

Поет молодая туркменка, брат которой учится в Ташкенте на рабфаке. Немудрено поэтому, что из уст девушки-беднячки произвольно вырывается следующая трогательная своей непосредственностью и искренностью похвала большевикам:

В облачный день не может быть луны. После того как я увидела, у меня сердце не на месте. Среди всех правительств мира нет никого, равного большевикам!

(Девичья песня, записана в Ашхабадском районе.)

В том же духе высказывается и народный певец Кор-Молла из Мервского района:

Ради бедных одержал победу над баями, рассеяв тучи, вывел луну в чистое небо, хорошие для бедняков дела творит большевик. Повсюду открылись школы, деньги пошли на устройство бедноты. Непочитавшиеся за людей стали как бы безгрешными. Дело, непосильное царям и ханам, успешно совершает большевик.

Не ускользают от внимания пролетарских поэтов-самородков и события международного порядка. Они знают о Чемберлене и его замыслах и отвечают ему по заслугам:

Грязный пройдоха,
Ты стравливаешь народы и цепи куешь.
Только все это на свою голову.
Что посеешь, то пожнешь.

Так поет бедняк Куша из аула Багир.

Тот же бедняк Куша, в одну из годовщин союза „Кошчи“,¹ в год проведения земводреформы и отмены бытовых законов у туркмен (выдача малолетних замуж, многоженство и т. д.) пел:

Сегодня я, Куша, старик седобородый,
Точно юноша, радуюсь радостью народной,
Сыны дехканства, вкусившие плоды свободы, —
Все на праздник „Кошчи“!
Дружные, устроим веселый „той“!²
Комсомолец, партиец — все тесной семьей,
Так мы справляем праздник твой —
Щит бедноты — „Кошчи“.
Женщина! Обязательно будь и ты!
Пусть зацветут среди нас цветы!
Мать! Сюда, где стоит твой сын.
Союзу „Кошчи“ — „кутлы болсун“...³

Старик — бахши Куша-Сатар не забывает и про оборону страны. Под названием „Предупреждение врагу“ он слагает:

Туркменистан — пайщик великого Союза.
Весь Союз готовится к отпору.
Разве отстанем мы?
Трудясь в поле, учась,
Готовы и мы.

В туркменском устном творчестве находит свое отражение борьба трудящихся Туркмении за хлопковую независимость Советского Союза, за коллективизацию дехканского хозяйства, за социалистическое переустройство деревни, не взирая на ярое сопротивление наших классовых врагов в ауле; бахши Мюре-оглы из аула Бара-гыз, Фарабского района поет:

Для хлопка много земли подготовили,
Знание и порядок хорошо усвоили,
Давая хлопком (а не через посредника), тому мы были рады.
Хлопок наша сила и слава...

Но классовый враг не хотел без боя сдавать оружие. Мероприятия Советской власти (вроде земельно-водной реформы), в корне подрывавшие экономическую базу владычества привилегированных слоев, в первую очередь — ишанов, баев и ханов, и, в особенности, проведение сплошной коллективизации и ликвидация кулачества, как класса, вызвали бешеное

¹ „Кошчи“ — союз бедноты и батрачества.

² „Той“ — праздник.

³ „Кутлы болсун“ — приветствие.

сопротивление феодалов и баев, организовавших басмаческие отряды для борьбы с советами. Но и эта последняя ставка классового врага была бита: в 1931 г. доблестными частями Красной Армии были на голову разбиты последние басмаческие шайки, избравшие базой своей деятельности бескрайные и малодоступные пески Каракумов.

Разумеется, такая быстрая и решительная победа Красной Армии в необычайно трудных условиях вооруженной борьбы среди беспредельной, знойной и почти безводной пустыни была возможна только потому, что Красная Армия пользовалась сочувствием и поддержкой трудящихся масс Туркмении. На помощь регулярным красноармейским частям были спешно организованы многочисленные отряды добровольцев-партийцев и комсомольцев туркмен и беспартийных чарводаров и хлопкоробов. Об искренности их участия в борьбе за пролетарское дело красноречиво говорит следующая песня участника добровольческих отрядов:

У подножия крепости я упал и лег... Я зарядил свое дальн-
бойное ружье и выстрелил. Покуда пришел мой сотник, я погрузился в лужу крови... И что это за скверные горы: тот, кто ушел, назад не приходит!

Дорогой товарищ красноармеец, пусть твоя сабля рубит и горы, и камни!... И что это за скверные горы: тот, кто ушел, назад не приходит!

У подножия крепости выстроились пушки... Дорогой товарищ красноармеец, сто тысяч лет тебе здравствовать! И что это за скверные горы: туман не приходит!

(Записана в Байрам-алийском районе.)

Красная Армия своей борьбой с басмаческими шайками („байскими отрядами“, как их прозвало трудовое дехканство) приобрела себе величайшую любовь и популярность в широких народных массах, как об этом свидетельствуют слова песни одного нищего — слепца, певшего среди народа на празднике 1 Мая:

Желтые сапоги с высокими каблуками, на ногах у красноармейца узкие сапоги. Сбоку у него пятизарядная винтовка, по басмачам он стреляет. Да здравствует наш праздник 1 Мая! Да здравствует национальная Красная Армия!

(Записана в Байрам-алийском районе.)

Если старая царская армия была для туркмен пугалом, то теперь, наоборот, туркменка-батрачка и колхозница, баюкая своего младенца, желает, чтобы у ее сына товарищами были красные командиры:

Мальчик, пусть твой конь будет молод! Пусть твой верховой конь будет первым из скакунов! Пусть красные командиры будут твоими товарищами!

(Колыбельная песня, записана в Байрам-алийском районе.)

Итак, дружными усилиями Красной Армии, пролетариата и трудового дехканства басмаческое движение было окончательно разгромлено, и вместе с ним исчезло препятствие на пути туркменского народа к свободному строительству социализма, к созданию бесклассового социалистического общества.

Выполняя сев, колхозы поднимают свое хозяйство. Настойчиво они в каждом деле выполняют свои планы. Время баев прошло. Эпоха повернулась лицом к пролетариям. Паразиты и кровопийцы удалены из нашей среды. Уничтожая как класс, жмут теперь кулаков. Что есть только сил, не жалея, жмут их. Мы — армия труда — мы сегодня готовы к этой работе! Для труда в колхозах и совхозах мы всегда готовы!

(Народные стихи.)

Уверенно присоединяет свой окрепший, звонкий голос к этой дружной песне бойцов за пролетарское дело и бывшая еще так недавно бесправной и презираемой рабой туркменка — девушка и женщина:

Если в нашем ауле наши женщины будут учиться, если они, составив артель, будут ткать ковры и с раннего утра будут обращать свои взоры к школе, тогда свободным станет наш народ!

Если наши сородичи, уничтожив черные юрты, построят дома, если все они будут жить одним бытом, тогда свободным станет наш народ!

Если они свои жилища наполнят благоуханьем, если все они будут в одном колхозе, если все они будут в одной партии, тогда свободным станет наш народ!

(Записано в Байрам-али.)

Успехи соцстроительства, успехи Советской власти по превращению Туркмении из отсталой аграрной страны в одну из передовых аграрно-индустриальных стран захватывают своим беспримерным пафосом даже лиц, далеко стоящих по своим убеждениям и воспитанию от советской и партийной общественности. Показательно в этом отношении стихотворение Сеит-Джана-Непес-оглы, 59-летнего седого старика, мервского текинца, впервые посетившего в 1930 г. столицу Туркмении Ашхабад и настолько пораженного видом работающей советской текстильной фабрики, что, по своему собственному признанию, последние сомнения относительно прочности Советской власти и окончательного успеха всего дела соцстроительства окончательно испарились из его головы:

Приехал я, увидел город Ашхабад. В нем есть большая мастерская, называемая фабрикой. Построена она в несколько этажей, один на другом. Вся в стеклянных окнах, так и светится.

Взглянешь ночью — светит, как полная луна; взглянешь днем — все равно, как дом с роскошными комнатами. Работы она выполняет массу — словно бы на целый мир. Увидел я тогда, что велика мощь Советского правительства!

Если успехи Советской власти неопровержимой логикой фактов покоряют и убеждают даже представителей старого отживающего мира, то для огромного большинства колхозно-совхозной молодежи, не связанной ни идейно, ни экономически с безвозвратно ушедшим прошлым, путь строительства социализма, путь, указываемый генеральной линией партии, является единственным, по которому она идет. Об этом говорят следующие слова 20-летнего стихотворца-самоучки, колхозника аула Кипчак Ашхабадского района, Чары Дурдымова, с которыми он обращается к другим членам своего колхоза:

Этот год прошел. Вы собрали хороший урожай. Узнали вы тех, кто уклоняется вправо и влево. Искренно, от всей души вы стали колхозниками. Готовьтесь же искоренять недочеты!

Вместе с тем наш колхозный молодежник твердо усвоил и помнит, что только под знаменем Ленинского учения он сможет не только сохранить уже имеющиеся достижения, но и рука об руку с пролетариатом всех стран бороться за победу мирового Октября.

Ленин открыл нам путь. Да здравствует Ленинское слово, да здравствует этот новый быт!

Во всех садах распустились цветы... Да здравствует партия, да здравствует новый быт!

Ленин своими словами о равенстве раскрыл народным массам залитые слезами глаза. Уничтожили баев слова Ленина. Да здравствует Ленинское слово! Да здравствует новый быт!

(Стихотворение того же Чары Дурдымова.)

Песни бедняка Куши, из аула Багир:

Душмана Хайбат.

Туркменистан — пайщик великого Союза.

Весь Союз готовится к отпору.

Разве отстанем мы!

Трудясь в поле, учась,

Готовы и мы.

Слушай Чемберлен,

Трудовому народу ты не мешай.

Мы соединились, чтобы мирно работать.

Трудовому народу ты не мешай.

Грязный пройдоха,
Ты стравливаешь народы и цепи куешь.
Только все это на свою голову.
Что посеешь, то пожнешь.

Я, бедняк Куша,
Свою песню кончаю,
Назвавшись бедняком,
Я себя унижаю,
Я ведь богаче тебя, Чемберлен,
Я богаче тебя
Силой!
Нам дорога прямая к победам,
А тебе
Лишь в могилу.

Ф О Л Ъ К Л О Р Н Ы Е Т Е К С Т Ы

Записаны и переведены

А. П. Поцелуевским

ЗАМЕЧАНИЯ К ТЕКСТАМ

1) Туркменские тексты транскрибированы знаками международного фонетического алфавита (в его видоизмененной форме, предложенной в 1910—1911 гг. проф. Щербой).

2) При пользовании фонетически транскрибированными текстами необходимо иметь в виду следующее:

а) знак ударения ' ставится мной по техническим соображениям непосредственно перед ударенной гласной (а не перед ударенным слогом);

б) ударение отмечено особым значком только в тех случаях, когда оно (вопреки правилу) приходится не на последний слог слова или слитно произносимого словосочетания;

в) знаком *i* („*i*“ без точки) обозначен звук, акустически промежуточный между русскими „и“ и „ы“;

г) долгие звуки *i:* *ш:* *u:* *y:* во время произношения к концу сильно суживаются, приближаясь до некоторой степени к дифтонгам *ij*, *шj*, *uw*, *uj* или *uw*;

д) долгий звук *æ*: будучи в начале своего произношения узким звуком, к концу сильно расширяется;

е) начертанием „*g*“ обозначено звонкое смычное глубоко-задненебное „*г*“ (озвонченное *ق*);

ж) надстрочным знаком краткости *˘* отмечены бегло произносимые редуцированные гласные.

3) Квадратными скобками выделены слова, отсутствующие в туркменском тексте и добавленные для большей цельности или удобопонятности русского перевода.¹

¹ Кроме того тексты имеют пронумерованные примечания, которые приложены в конце статьи.

№ 1 (пастушеская песня)

dyj'ø-vaqtūm a : j d'an-a : ja
aj'aqlarūm bold'w̄-ða : ja
barθ'an̄-ajt̄w̄n xūrd'an-ma : ja
b'ir-čepeklik g'ə : n-i : verθin

Dyje baqd̄m ajdan-aja.
Ajaqlar̄m bold̄ zaja.
Barsaṇ, ajt̄ṇ N̄rdan-Baja:
Bir cepelik¹ gən ibersin!

№ 2 (пастушеская песня)

meṣewyrde dyj'ø-vaqtūm
g'an-jyr̄ḡmi o : d'a-jaqtūm
a : dūm'a-dyj'ø-čap'an-daqtūm
geð'en-geð̄in meṣewyr̄iṇ ṣūrw̄nda

Meṣevirde² dyje baqd̄m,
Qan-jyregmi oda jaqd̄m,
Ад̄ма dyje-сапан даqd̄m...
Gezen gezs̄in meṣeviriṇ ṣ̄rw̄nda!

№ 3 (девичья песня)

čym : 'yl-čym : yl d'epeler
ej'erlik-la 'at-ja : naq
mæ : m'i-ba : j̄iṇ t'i : xa : ni
qojn'a-jaramað 'it-ja : naq

Cymm̄il-cymm̄il depeler
Ejerlik-le at janaq...
Məmi-Baj̄ṇ dajhan̄
Qojna jaramaz it³ janaq.

№ 4 (девичья песня)

b'i-dere ba : l'w̄ql̄i-d̄ir
θw̄w̄rm̄w̄ð xa : l'w̄ql̄i-d̄ir
čorono qw̄ : ð b'ermeðler
ajaṣw̄ ča : r'w̄ql̄i-d̄ir

Bi dere bal̄ql̄b-d̄ir...
S̄ṣ̄rm̄yz hal̄ql̄b-d̄ir...
Sorana q̄yz bermezler.
Ajaṣ̄ car̄ql̄b-d̄ir.⁴

№ 1 (пастушеская песня)

Из месяца в месяц я пас верблюдов.
Мои ноги изранены, исколоты.
Если пойдешь [в аул] скажи Хыдран-Баю,
Чтобы прислал кожи на чепеки (род сандалий)!

Записано в мае месяце 1932 г. в Байрам-али, со слов Яз-Мурада Бек-Мурад-оглы
(туркмен 18 лет из племени эрсари, уроженец Кара-бекаульского района).

№ 2 (пастушеская песня)

Я пас верблюдов у [племени] меджеур.
Кровь моя и сердце испеклись [все равно, как бы] на огне.
К имени своему я присоединил [прозвище] Дюе-Чапан
(г. е. верблюжий пастух)...
[Теперь хватит с меня... Я ухожу...] Пусть, кто гулял, тот
разгуливает среди меджеурских солончаков!

Записано, как и предыдущее четверостишие, от Яз-Мурада Бек-Мурад-оглы.

№ 3 (девичья песня)

Высокие, крутые холмы
Все равно, как оседланный конь...
У Мями-Бая батрак [ленив]
Все равно, как ни к чему негодный пес!

Записано 21 декабря 1927 г. в ауле Ак-кель Каракалинского района со слов Огуль-Джамал Дурды-Мамед-кызы (туркменка 11 лет, из племени гоклен, из рода совролли-чарык, родилась в ауле Кизил, в 5 в. от Кара-кала, сирота, неграмотная).

№ 4 (девичья песня)

[Река] в этой долине изобилует рыбой...
На нашей корове войлочная попона...
За пастуха не отдают [свою] дочь замуж:
На ногах у него лапти-чарыки...

Записано 21 декабря 1927 г. в ауле Ак-кель Каракалинского района со слов Мамед-Хана Чаккы-оглы (туркмен 18 лет из племени гоклен, из рода кеик-совролли, уроженец Чендырской долины; прибыл в Кара-калинский район в 1926 г., земледелец, неграмотный).

№ 5 (ответ на предыдущую песню)

a : dam a : dam d'æ : -mi-dır
 xurma ba : dam d'æ : mi-dır
 q̄w̄ : ð
 čopon a : dam d'æ : mi-dır

Adam adam dəl-mi-dir?
 Hurma badam dəl-mi-dir?
⁵ q̄yz,
 Copan adam dəl-mi-dir?

№ 6 (девичья песня)

hoş'om-şykyr ha : n̄w̄m̄w̄ð
 alapata na : n̄w̄m̄w̄ð
 alapata : q'ū : rt-dyş^θe
 nen'en-geç-er ha : l̄w̄m̄w̄ð

Hoşam-Şykyr⁶ — hanьmьz...
 Alapata — nanьmьz...
 Alapata qurt dyşse,
 Nenen̄ gecер halьmьz?

№ 7 (девичья песня)

žap'ar-i : ša : n bašw̄m̄w̄ð
 juw'a-jelmik ašw̄m̄w̄ð
 juw'a-jelmik qu : roθa
 da : ʔd'an-a : šar qošw̄m̄w̄ð

Çapar-Işan⁷ — başьmьz...
 Juva, jelmik⁸ — aşьmьz...
 Juva, jelmik qurasa,
 Daoʔan aşar qoşьmьz.

№ 8 отрывок из ləle (девичьей песни)

.....
 bəjlæ xa : nm̄̄ qu : ruθūn
 ja : ðʔar'w̄p-t̄w̄r o : ʋan̄

.....
 Bəjle hanь̄ qurьсьn:
 Jazʔarьp-dьr obanь!

№ 5 (ответ на предыдущую песню)

Разве не всякий человек есть человек?
Разве финик [по качеству] не то же, что миндаль?
Такая ты сякая девка,
Разве пастух не человек?

Записано, как и предыдущее четверостишие, от Мамед-Хана Чаккы-оглы.

№ 6 (девичья песня)

Ходжом-Шукюр — наш хан...
Лебеда — наша пища.....
Если на лебеду нападут черви,
Как [тогда] будем существовать?

Записано 21 апреля 1930 г. в ауле 1-й Кичи-ага Серахского района со слов Мухы Яз-Мухоммед-оглы (туркмен 42 лет из племени салыр, из рода чоккара, земледелец, неграмотный).

№ 7 (девичья песня)

Наш глава — Джапар-Ишан...
Юва и ельмик — наша пища...
Если юва и ельмик высохнут,
Вместе со всем нашим имуществом переправимся через
горы [в Персию].

Записано 27 сентября 1930 г. в ауле 2-й Конгур Мервского района со слов Абдул-Керима Пигаммер-Кули-оглы (туркмен 13 лет из племени теке, отдела тохтамыш, грамотный).

№ 8 отрывок из lәle (девичьей песни)

Пусть такой твой хан сгинет:
Разорил он аул!

Записано 21 декабря 1927 г. в ауле Ак-кель Каракалинского района, со слов Огуль-Джамал Дурды-Мамед-кывы (подробности в примечании к песне № 3).

№ 9 (народная песня)

balševikler pront tuto ukrodū
 melševik jeŋθ'e-verip jørejdi
 qa : qadan dušoqta ū : dūn jūknadū
 qa : d'ūr-al : a melševiyi n'i : θ-ejle

Bolşevikler pront tuta uqrady.
 Melşevik, jeŋse berip, jøridi,
 Qaqadan Duşaqda⁹ ьзын jьqrady.
 Qadyr-alla, melşevigi nis ejle!

№ 10 (девичья песня)

θa : rū jypek θoðulor
 ba : jlan̄ ža : ji poðulor
 a : vl'amaūūn aška : t
 j'ene i : liŋ dyðylør
 Sarь jypek sozьlar,
 Bajlan̄ (вм. bajlarьŋ) çajь bozьlar.
 Aqlamaqlьn, Aşqabat:
 Jene iliŋ dyziler!¹⁰

№ 11 (народная песня)

økçəθi bejik θ'a : r-æ : dik
 θal : 'a : t - gejgen d'a : r-æ : dik
 ja : nbašūnda bæ : šatar
 baθmaça : oq atar
 ja : š'a - ja : ša bajram : ūð
 ja : ša mil : i eθkerler
 Əkcesi bejik sar-ədik (sarь ədik),
 Sallat¹¹ gejen dar ədik.
 Janbaşьnda bəşatar,
 Basmaca oq atar.
 Jaşa-jaşa bajramьmьz!
 Jaşa milli eskerler!

№ 12 (колыбельная песня)

o vl'on-atūŋ j'a : š-bolθun
 min'en-atūŋ b'aş-bolθun
 kem'endi : rler jo : ld'aş-bolθun
 Oqlan, atьŋ jaş bolsьn!
 Minen atьŋ baş bolsьn!
 Kemendirler¹² joldaş bolsьn!

№ 9 (народная песня)

Большевики двинулись развернутым фронтом,
Меньшевики же, обратившись вспять, отошли;
Из Каахка на Душак они бросили [обходным движением]
свои арьергарды.
Всесильный аллах, уничтожь меньшевиков!

Отрывок из народной песни; записан в мае 1932 г. в Байрам-али со слов Назара Баба-оглы (туркмен 29 лет из племени теке, уроженец Байрам-алийского района, рабочий хлопкокомбината № 9, неграмотный).

№ 10 (девичья песня)

Желтый шелк расползется, растянется,
Жилище баев разрушится,
Не плачь, Ашхабад:
Твой народ снова оправится!

Сообщила 16 декабря 1930 г. студентка Ашхабадского рабфака Ай-Солтан Гельдиева (туркменка из племени теке, рода кара-кунгур, уроженка Тедженского района).

№ 11 (народная песня)

Желтые сапоги с высокими каблуками,
На ногах у солдата [красноармейца] узкие сапоги.
Сбоку у него пятизарядная [винтовка],
По басмачам он стреляет.
Да здоровствует наш праздник [1-е Мая]!
Да здоровствует национальная [Красная] армия!

Записана в мае 1932 г. на 1-м хуторе совхоза „Рассадхлопок“ Байрам-алийского района со слов Мухоммеда-Берди Анна-Непес-оглы (туркмен 14 лет из племени теке, уроженец 84 поселка Байрам-алийского района, ученик Совхозуча), объяснившего, что он слышал эту песню от одного нищего (patasъ) во время первомайской демонстрации.

№ 12 (колыбельная песня)

Мальчик, пусть твой конь будет молод!
Пусть твой верховой конь будет первым [из скакунов]!
Пусть [красные] командиры будут твоими товарищами!

Записано также со слов Мухоммеда-Берди Анна-Непес-оглы в мае 1932 г.

qala : nūŋ dy : vīnde jūqūld'ūm-jat : ūm
 a : jnalı typenŋmi do : ldūrd'ūm-at : ūm
 jyðbaşūm geli : nčæ qa : n-der'æ : -bat : ūm
 bu-n'a-jaman da : ɣlar giden g'elmejdu : r
 ʒa : n jo : ldaş qūðleθker qūlwəşūŋ i : şleθin
 da : ɣ-bilen da : ʒa
 bu-n'a-jaman da : ɔlar giden g'elmejdu : r
 qala : nūŋ dy : vīnde duplor (надо : toplor) dyðildi
 ʒa : n jo : ldaş qūðleθker θen jyð myŋ ja : ʒa
 bu-n'a-jaman da : ɣlar giden g'elmejdu : r

Qalanıŋ dybinde jıqıdım, jatdım.
 Ajnalı typenŋmi ¹³ doldırdım, atdım.
 Jyzbaşım gelince, qan-derə batdım.
 Bu ne jaman daɔlar: giden gelmejdur!
 Çan joldaş qızlesker (qızıl esker), qılcıŋ işlesin
 Daɔ bilen daşa!...
 Bu ne jaman daɔlar: giden gelmejdur!
 Qalanıŋ dybinde toplar dyzildi...
 Çan joldaş qızlesker, sen jyz myŋ jaşa!
 Bu ne jaman daɔlar: duman gelmejdur!

№ 14 (песня)

kəp waxūtlar geðdim gəð ja : şūm dəkŷp
 indi ʒa : di-xa : ram (надо : xor : am) bolaθūm geljar
 indi mekteplerde ʒa : n-edip oqap
 aŋ bilimden pa : jūm alaθūm geljar
 jo : q-bol θun tyrkmenıŋ qū : ð θatmaq pæ : li
 qū : ðlarūŋ jaşwθūn ba : jlar aljarlar
 qū : ðlarūŋ rahperi qamθomol : ar
 qamθomol θapūnda duraθūm geljar

Kəp vaqətlar gezdim, göz jaşın dəkip,
 Indi şad-ı-horram bolasım geljər.
 Indi, mekteplerde çan edip oqap,
 Aŋ-bilimden pəjəm alasım geljər.
 Joq bolsın tyrkmeniŋ qız satmaq pəli! ¹⁴
 Qızlarıŋ jaɔşsın bajlar aljarlar...
 Qızlarıŋ rahberi komsomollar:
 Komsomol səpəndə durasım geljər.

№ 13 (песня участника борьбы с басмачеством)

У подножия крепости я упал и лег...
Я зарядил свое дальнобойное ружье и выстрелил.
Покуда пришел мой сотник, я погрузился в лужу крови.
[И] что это за скверные горы: тот, кто ушел, [назад] не
приходит!
Дорогой товарищ красноармеец, пусть твоя сабля рубит
И горы и камни!...
[И] что это за скверные горы: кто ушел, назад не приходит!
У подножья крепости выстроились пушки...
Дорогой товарищ красноармеец, сто тысяч [лет] тебе
здоровствовать!
[И] что за скверные это горы: туман не приходит!

Записано в мае 1932 г. на первом хуторе совхоза „Рассахлопок“ Байрам-алийского района со слов Сеида Атак-оглы (туркмен 16 лет из племени эрсари, уроженец Саятского района, учащийся совхозуча).

№ 14 (песня)

Много времени я бродил, проливая из глаз своих слезы,
Теперь же мне хочется быть веселым и радостным.
Теперь мне хочется, усердно учась в школах,
Взять свою долю просвещения.
Да сгинет у туркмен мысль продавать дочерей!
Лучших девушек берут себе баи...
Комсомольцы — руководители девушек:
Мне хочется быть в рядах комсомола.

Записана, как и предыдущая песня, от Сеида Атак-оглы

№ 15 (девичья песня)

ajroplan geljar ajlanŭp
 jerden gø:kten θajlanŭp
 meniŋ doƣonŭm an:a-verdi
 gelθin mo:l:alardan θajlanŭp.

Ajroplan geljær, ajlanър,
 Jerden, gøkden sajlanър...
 Meniŋ doƣanъм Anna-Berdi
 Gelsin, mollalardan ¹⁵ sajlanър!

№ 16 (вариант двух последних стихов предыдущей песни)»

.....

meniŋ ežem okul-kejik
 θ'en-de gelgin šajlanŭp

.....

Meniŋ eçem Oqыл-Kejik,
 Sen-de gelgin, şajlanър!...¹⁶

№ 17 (народные стихи)

o:ʋa: nŭŋ qŭ:ðlarŭna a:ldat:ŭm ø:ðimi
 θaŋa bir ða:t di:θem kø:r bolθun gøðŷm
 jam'anl'ŭŋ-da g'ørmeθin gøðŷm.
 t'aşla i:şinŋi jør gideli oquwa

Obanŋ qŷzlarŋna aldatdŷm øzimi...
 Saŋa bir zat disem, kør bolsŷn gøzim!
 Jamanl'ŷŋ-da gørmesin gøzim!
 Taşla işinŋi: jør gideli oquva!

№ 18 (девичья песня)

bulŭtlı gyn 'a:j-bolmoð
 gørŷp gøwnŷm ž'a:j-bolmoð
 æ:hli høkymet ičŋ:e
 bolşewiye t'a:j-bolmoð

Bulŷtlŷ gyn aj bolmaz...
 Gørip, gøvnim çaj bolmaz.
 Ehli høkimet icinde
 Bolşevige taj bolmaz!

№ 15 (девичья песня)

Аэроплан летит, кружась,
Между землей и небом...
Пусть мой брат Анна-Берди
Приезжает отменным ученым!

Записано зимой 1926 г. в ауле Кеши Ашхабадского района со слов Огуль-Солтан Рахматылла-кызы (туркменка 56 лет, неграмотная, уроженка Анау, предки — йомуды, выходцы из Хивы).

№ 16

Мамочка моя Огуль-Кеик,
Ты тоже в своем серебряном уборе приходи [посмотреть]!...

№ 17 (народные стихи)

Я дал себя обмануть аульным девушкам...
Если я скажу тебе что-нибудь [плохое], пусть ослепнет мой
глаз!
Пусть мои глаза не видят твоего худа!
Бросай свою работу: давай идем учиться!

Записано в мае 1932 г. в Байрам-али со слов Огуль-Сапар Нобатовой (туркменка 16 лет из племени эрсари, сирота, уроженка Байрам-алийского района, ученица ФЗУ).

№ 18 (девичья песня)

В облачный день не может быть луны...
После того, как я увидала, у меня сердце не на месте.
Среди всех правительств [мира]
Не может быть никого, равного большевикам!

Записано в 1926 г. в г. Ашхабаде со слов Анна-Берди Беки-оглы (туркмен 20 лет, уроженец аула Кеши возле Ашхабада, предки — йомуды, выходцы из Хивы, слушатель Ташкентского рабфака).

№ 19 (стихи)

o : ʋa : m̄w̄ðda aja : l : aṛw̄m̄w̄ð oqɔθa
 art'w̄ : l-bolup doqm'a-ha : l : doqɔθa
 ert'i : r-bilen mekteplere baqθalar
 şonda a : θ'a : t-bolor biðĩŋ i : l : erimĩð
 qara øjlerijw̄q̄w̄p ta : mlar θalθalar
 hem : 'eʒeθi bĩr durmw̄šta bolθolar
 şonda a : θ'a : t-bolor biðĩŋ i : l : erimĩð
 ta : mlarw̄na atw̄r-mw̄şqı θepθeler
 hem : 'eʒeθi bĩr kalxo : ðda bolθolar
 hem : 'eʒeθi bĩr p̄w̄rqada bolθolar
 şonda a : θ'a : t-bolor biðĩŋ i : l : erimĩð

Obam̄zda ajallar̄m̄z oqasa,
 Artı¹⁷ bol̄p, doqma-hal̄b doqasa,
 Ertir bilen mekteplere baqsalar,
 Şonda azat bolar biziŋ illerimiz!
 Qara øjleri¹⁸ j̄q̄p̄r, tamlar salsalar,
 Hemmeçesi bir durm̄şda bolsalar,
 Şonda azat bolar biziŋ illerimiz!
 Tamlar̄na at̄r-m̄şq̄b sepseler,
 Hemmeçesi bir kolhozda bolsalar,
 Hemmeçesi bir p̄rqada bolsalar,
 Şonda azat bolar biziŋ illerimiz!

№ 20 (стихи)

ek'in-ek̄ip kalxoðlar
 hoʒ'alw̄k̄w̄ qaldw̄rja : r
 w̄qʒ'am-dur̄p her i : şte
 pul'onlarw̄n (надо : p̄w̄la : nlarw̄n) do : ldw̄rja : r
 øt'yp-d̄w̄ra : n ba : jlardan
 jo : qθ'w̄l : ara ajlandı
 mux'ut-i : jen qa : nho : rlar
 a : r'am̄w̄ðdan θajlandı
 θw̄n'w̄p-h̄okym̄inde j'o : k-ed̄ip
 qul'oqları qw̄θja : rlar
 aw̄'am̄w̄ð̄a aw̄ramla : p
 d̄øðymil̄ze baθja : rlar
 biðler ðæhmet goşunı
 bu-γyn bu i : ş'e-taj : a : r
 qalxoð θafx'oðlar-yçy : n
 biðl'er hemi : ş'e-taj : a : r

№ 19 (стихи)

Если в нашем ауле наши женщины будут учиться,
Если они, составив артель, будут ткать ковры
И с раннего утра будут направлять свои взоры [по направле-
нию] к школе,
Тогда свободным станет наш народ!
Если [наши сородичи] уничтожив [букв.: повалив] черные
юрты, построят дома,
Если все они будут жить одним бытом,
Тогда свободным станет наш народ!
Если они свои жилища наполнят благоуханием [букв.: духами
и мускусом],
Если все они будут в одном колхозе,
Если все они будут в одной партии,
Тогда свободным станет наш народ!

Записано весной 1932 г. в Байрам-али со слов Огуль-Сапар Нобатовой (туркменка
16 лет из племени эрсари, сирота, уроженка Байрам-алийского района, ученица ФЗУ).

№ 20 (стихи)

Выполняя сев, колхозы
Поднимают хозяйство.
Настойчиво они в каждом деле
Выполняют свои планы.
Время баев прошло,
Эпоха повернулась [лицом] к пролетариям.
Паразиты и кровопийцы
Удалены из нашей среды.
Уничтожая, как класс,
Жмут [теперь] кулаков.
Что есть только сил,
Не жалея, жмут их.
Мы — армия труда —
Мы сегодня готовы к этой работе!
Для [труда в] колхозах и совхозах
Мы всегда готовы.

Записано в мае 1932 г. на 1-м хуторе совхоза „Рассадохлоп“ Байрам-алийского
района со слов Куль-Мырада Чары-оглы (туркмен 15 лет из племени теке, уроженец
84-го поселка Байрам-алийского района).

Ekin ekip, kalhozlar
 Ноҗалыҗы қалдырҗар.
 Ырҗам дурҗыр, һер иҗде
 Рыланларын дөлдөҗрҗар.
 Өтип, дөвран, баялардан
 Юҗсыллара айланды.
 Муҗыт иҗен қанһорлар
 Арамьздан сайланды.
 Сыһыр һөкиминде юҗ едип,
 Кулаклары қысҗарлар.
 Аҗраммызҗа аҗрамлап,
 Дөзимилҗе басҗарлар.
 Бизлер — зехмет қошыһы —
 By gyn by иҗе таяҗар!
 Колһоз-софһозлар уһин
 Бизлер һемиҗе таяҗар!

№ 21 (песня)

men bīr čopon owl̄-men
 ju : ʷrt-i : limi θəj'ør-men
 dald'a-geðīp čap'ar-men
 qoj'un-quðī baq'ar-men
 ačwldı gyl hončolar
 jaš'w-boldw b'aqčalar
 'ej-tevi : kat θaŋ'a-šykyr
 bolxonda gylθ'in-bolar
 šem'a : l-geljæ : r gyryldæ : p
 aʷašlarw θilkelæ : p
 g'i : c-bolxonda qajd'ar-men
 gojul : arwı mæ : ledīp
 gø : m-gø : k otlar ičinde
 aʷašlar θa : jaθwnda
 ojn'armen hem gyl'ørmen
 gojul : arwımwı ičinde

Men bir copan owl̄-men,
 Juvrt-ilimi səjermen.
 Dalda gezip, caparmen,
 Qojın-quzı baqarmen.
 Açıldı gyl honcalar,
 Jaçış boldı baqcalar.
 Ej, tebiqat, saŋa şykyr!
 Bolanda gylsin bolar.

№ 21 (песня)

Я сын пастуха,
Я люблю свой край и свой народ.
Позади [стада] я скачу верхом,
Овец и ягнят я пасу.
 Раскрылись почки цветов,
 Хороши стали бахчи.
 Спасибо тебе, природа!
 Хороша ты в хорошее время.
Дует ветер, шумит,
Колеблет деревья,
Поздно [вечером] я возвращаюсь [в аул]
Вместе со стадом блеющих овец.
 Среди темнозеленых трав,
 В тени деревьев
 Играю я и смеюсь
 Среди своих овец.

Записано в мае 1932 г. в Байрам-али со слов Шукура Сапар-оглы (туркмен
15 лет из племени теке, уроженец Каахкинского района, учащийся ФЗУ).

Şemal geljər, gyryldəp,
 Aşaqlar silkeləp.
 Gic bolanda qajdarmen,
 Qojnlarъmb məledip.
 Gəm-gək otlar icinde,
 Aşaqlar sajasında
 Ojnarmen hem gylermen
 Qojnlarъmbъ icinde.

№ 22 (стихи)

bar'w̃p-gördŷm aʃkaʋa : dūŋ šehrini
 fabr'ik-a : tli ulı dyka : n b'a : r-eken
 'yθt-yθtine qa : ʋ'at-qa : ʋat jaθalan
 tama : m a : jna jalq'w̃m-berip d'u : r-eken

gi : ʃ'e-gørθeŋ jalq'w̃m-berer 'a : j-ja : lı
 gynd'i : θ-gørθeŋ k'øʃk-otaʋlı ʃ'a : j-ja : lı
 i : ʃ bitiriʃi əhli dynjæ : t'a : j-ja : lı
 gy : ʃin gördŷm həkymetiŋ θ'o : r-eken.

Barəp gərdim Aşqabadəŋ şəherini.
 Fabrik¹⁹ atlı ulı dykan bar-eken:
 Ysti ystine qabat-qabat jasan,
 Tamam ajna jalqəm berip dur-eken

Giçe gərsen, jalqəm berer jalı.
 Gyndiz gərsen, kəşk²⁰ otaqlı çaj jalı.
 İş bitirişi ehli dynjə taj jalı.
 Gyjçin gərdim həkimetiŋ zor-eken!²¹

№ 23 (стихи)

biθ'iŋ-yčy : n li : nin aʃtū jo : l : arı
 li : nin θøði kəp ja : ʃaθūn šu durmūʃ
 h'em : e ba : ʋūŋ ačūl'w̃p-tūr gyl : øri
 pa : rtūjalar kəp ja : ʃaθūn šu durmūʃ
 li : nin gelip aʃtū niče jyðleri
 deŋl'ik-di : p a : ʋla : n ja : ʃlı gøðleri
 ba : jları j'o : ʋ-et : i li : nin θøðleri
 li : nin θøði kəp ja : ʃaθūn šu durmūʃ

Bizin ycin Lenin acdı jolları.
 Lenin sözi kəp jaşasın şu durmış!
 Hemme baqlı acılıp-dır gylleri.
 Partıjalar kəp jaşasın şu durmış!

№ 22 (стихи)

Приехал я, увидел город Ашхабад.
[В нем] есть большая мастерская, называется фабрикой.
Построена она в несколько этажей, один на другом.
Вся в стеклянных окнах, так и светится.
Взглянешь ночью — светит, как полная луна,
Взглянешь днем — все равно как дом с роскошными комнатами.
Работы они выполняют [массу] — словно бы на целый мир.
Увидел я [тогда], что велика мощь [Советского] правительства!

Стихотворение составлено Сеид-Джаном Непес-оглы после посещения им в начале 1930 г. текстильной фабрики в Ашхабаде и доставлено в Туркменкульт его родственником Мухамед-Мурадом Непеслиевым. Транскрипция и перевод выполнены А. Поцелуевским. Транскрипция составлена применительно к стандартному (наиболее распространенному) произношению и особенностей говора самого Сеид-Джана не передает. Сеид-Джан Непес-оглы — туркмен 59 лет из племени теке (отдела утомыш, рода бахши, колена зёкир-чельтек), уроженец и постоянный житель аула Мюльк-бахши Мервского района, малограмотный, по профессии — кузнец!

№ 23 (стихи)

Ленин открыл нам путь.
Да здравствует ленинское слово, да здравствует этот [новый]
быт!
Во всех садах распустились цветы.
Да здравствуют [члены] Партии, да здравствует [новый] быт!
Ленин своими словами о равенстве раскрыл народным
массам [букв.: несколько сот]
Залитые слезами глаза.
Уничтожили баев [т. е. богачей] слова Ленина.
Да здравствует ленинское слово! Да здравствует
[новый] быт!

Lenin gelip acdı nice jyzleri,
 Deŋlik diji, aqlan jaşlb gözleri.
 Bajlarъ joq etdi Lenin sözleri.
 Lenin sözi көp jaşasъn şu durmъş!

№ 24 (стихи)

ek'in-ekip ha : θ'w̄l-alan dajha : nlar
 j'ene-indi ja : θ-ekinine taj : 'a : r-bol
 ekin-jerine der'ıθ-døken dajha : nlar
 geležekte kæ : n ekmæ : γε taj : 'a : r-bol

tar'ap-tutüp ti : reva : θl̄w̄q edjæ : ni
 θøwdegæ : rl'ik-edip guma gidjæ : ni
 a : ra : ŋw̄ðda bi : rin ikæ : θatja : nъ
 a : ra : ŋw̄ðdan θajlama : xa taj : 'a : r-bol

hožəlw̄qta bi : k'æ : r-geðen aja : l : ar
 oqoma : xa көp edj'æ : n-dır h̄w̄ja : lı
 geležekte bið oq'a : r̄w̄θ di : jæ : nler
 wæθ'w̄ŋ-boldw̄ a : ŋ-bilime taj : 'a : r-bol

başl'w̄q-bolüp dajha : n haq̄w̄n i : jæ : ni
 kœcæ : θw̄xma : n baj'ar-d̄w̄r̄w̄n di : jæ : ni
 her naharw̄nw̄ ar'aq-bilen i : jæ : ni
 a : ra : ŋw̄ðdan jo : x-etmæ : γε taj : 'a : r-bol

gešti bu-jw̄l jakşı ha : θw̄l ald̄w̄ŋw̄ð
 θa : x'a-θola q̄w̄ : şarja : ni bildiŋ̄ıð
 h̄w̄'eθ-bilen θiðler kolho : θ bold̄w̄ŋw̄ð
 na : doxr̄w̄ : ni jo : x-etmæ : γε taj : 'a : r-bol

derŋewçi : mið b'a : r-d̄w̄r θered'ip-jøræ : n
 na : doxr̄w̄ : n'ı-ıilip i : şin'i-γøren
 oycı-θayran : i : de h'em : e-de θo : ra : n
 na : doxr̄w̄ : ni ajtma : xa taj : 'a : r-bol

Ekin ekip, hasıl alan dajhanlar,
 Jene indi jaz ekinine tajjar bol!
 Ekin jerine deris døken dajhanlar,
 Geleçekde kæn ekmæge tajjar bol!

Tarap tutıp, tirebazlıq²² edjəni,
 Səvdegərlik edip, quma gidjəni,
 Araŋızda birin ikə satjanъ
 Araŋızdan sajlamaqta tajjar bol!

№ 24 (стихи)

Собрав урожай со своих полей, дайхане,
Готовьтесь теперь снова к весенней посевной!
Удобрив пахотную землю, дайхане,
Готовьтесь в будущем много сеять!

Готовьтесь изгнать из своей среды
Пристрастных разжигателей междуплеменной розни,
[Всех] уходящих в пески для торговли,
[Всех] продающих вдвадорога!

Без дела бродящие по хозяйству женщины
Много думают об учебе;
Они говорят: „Мы будем учиться“.
Ваше время настало... Готовьтесь к просвещению!

Будьте готовы изгонять из своей среды
[Всех], кто, пользуясь своим положением начальника,
объедает дайхан,
[Всех], кто говорит: „Я такой большой барин, что меня
не умещает улица“.
[Всех], кто каждый свой обед запивает водкой!

Этот год прошел; вы собрали хороший урожай,
Узнали вы тех, кто уклоняется вправо и влево;
Искренно, от всей души вы стали колхозниками.
Готовьтесь же искоренять недочеты!

Есть у нас представители РДИ, что смотрят за всем,
Видят неправильно творимые дела,
На общих собраниях они спрашивают обо всем.
Будьте же готовы [открыто] сказать о неполадках!

Два последних стихотв. № 23 и № 24 являются произведениями стихотворца-самоучки (нигде еще не печатался) Чары Дурдым-оглы (колхозник аула Кипчак Ашхабадского района, 20 лет, происходит из племени теке, рода кара-конгур, грамотный: учился 4 года в медресе. Стихотворение получено Туркменкультом 11 декабря 1930 г. Транскрипция (в соответствии со стандартным туркменским произношением) и перевод выполнены А. П. Поцелуевским.

Hoşalıqda bikər gezen ajallar
Oqumağa kəp edjən-dir həjallar:
„Gelecekde biz oqars“ — dijenler.
Vağtın boldı Añ-bilime tajjar bol!

Başlıq bolır, dajhan haqın ijəni,
„Kecə sətman bazar²³ - dırın“ — dijenı,
Her naharın araq bilen ijəni .
Arañızdan joq etməge tajjar bol!

Gecdi bu yıl, jaqşs hasıl aldıñız,
Sağa-sola qısarjanı bildiñiz,
Həves bilen sizler kolhoz boldıñız.
Nədoğrın joq etməge tajjar bol!

Dərəcımız²⁴ bar-dır seredip jərən,
Nədoğrın bilip işini gøren,
Obc-sabrannide hemme-de soran.
Nədoğrın ajtmağa tajjar bol!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. „Серек“ — обувь в виде кожаной подошвы, подвязываемой к ноге веревочками или ремешками.
2. Meçevir — название одного из родовых подразделений племени теке.
3. Qojna jaramaz it — собака, негодящаяся (пасти) овец.
4. Saňyq — кожаная обувь в форме лаптя.
5. Опущено три нецензурных слова.
6. Hoňam Ŗykyr — один из ханов племени салыр.
7. Iňan — название высших духовных лиц у туркмен; звание ишана наследственно. Ŗarag-Iňan был ишаном у рода векиль.
8. Juva, jelmik — названия дикорастущих трав.
9. Qaqa (Каахка) и Duňaq (Душак) — названия поселений городского типа, расположенных по линии Среднеазиатской железной дороги между Мервом и Ашхабадом (Душак ближе к Мерву, Каахка — к Ашхабаду). По справке П. Арбекова, при наступлении большевиков со стороны Мерва на Душак, меньшевики, отступив от Каахка, нанесли оттуда (обходным движением со стороны песков) удар большевикам.
10. Настоящий образец фольклора представляет собой переделку старой песни о русских — завоевателях Ахал-текинского оазиса. Характерно то, что выросшее классовое самосознание туркмен трудящихся позволило им переключить старую национальную ненависть к русским на своих „собственных“ баев-эксплоататоров.
11. Слово sallat (т. е. солдат) обычно применяется по отношению к солдатам старой царской армии и лишь изредка (как, например, в данном случае) употребляется в значении красноармейца.
12. Термин kemendir (командир) появился в народном туркменском языке в революционное время; командиры старой армии назывались erşer (офицер).
13. Ajnalъ tyrenъ — ружье с приспособлением для прицела в форме небольшой рамочки (ajna — зеркало, оконное стекло, окошко, рама).
14. Отклик на историческое постановление 3-й сессии ЦИК'а ТССР 1-го созыва от 6 октября 1926 г., раскрепостившее туркменскую женщину (запрет калыма, многоженства, ограничение брачного возраста и т. д.).
15. Слово molla (мулла) не имеет в устах туркмен специфически клерикального значения; этим словом еще совсем недавно обозначали в народной среде вообще всякого грамотного человека („грамотея“); в наше время оно нередко употребляется аульным населением в значении „учитель“.
16. Ŗaj (от персид. شاهى — мелкая серебряная монета) — общее название туркменских женских и девических серебряных украшений; отсюда глагол Ŗajlanmaq — надевать на себя женские серебряные украшения.

17. Организация производственных артелей (ковродельческих, шелководческих и т. п.) явилась одним из средств экономической эмансипации туркменской женщины.
18. *Өј* (юрта, кибитка) переносное жилище туркмен в виде войлочного шатра, натягиваемого на каркас из деревянных палок (в форме цилиндра, накрытого приплюснутым куполом). От дыма костра, разводимого на очаге посреди юрты, войлок ее скоро чернеет, оттого и сама она называется *қаға өј* (т. е. черная юрта). Для недавно женатых, но еще не отделившихся от своего отца сыновей нередко ставится отдельная новая юрта без очага (следовательно, не закоптившаяся), называемая *ақ. өј* (белая юрта).
19. Имеется в виду Ашхабадская текстильная фабрика, одно из первых крупных достижений на пути превращения Туркмении из страны аграрной в страну аграрно-индустриальную.
20. *Kaşk* — киоск, павильон.
21. При посещении мной в 1930 г. аула Мюльк-бахши, Сеид-Джан, восторженно описывая свои впечатления от посещения текстильной фабрики, признался мне, что при виде множества мощных и сложных машин, согласованно работавших на фабрике, он „понял, что большевики обязательно победят“ (А. П.).
22. *Tirbazlyq*, т. е. междуплеменной антагонизм, один из пережитков родового строя, нередко является в руках классового врага серьезной помехой успешности социалистического строительства в Туркм. ССР.
23. *Вајар* значило раньше „чиновник“, теперь — „бюрократ“.
24. *Derň evci* — исследователь, расследователь, контролер, представитель советских контрольных органов (в данном случае — РДИ, т. е. Рабоче-дехканской инспекции).

Ашхабад,
13 июня 1932 г.

